

В Ы С Т А В К А

РУССКИХЪ И ФИНЛЯНДСКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ ВЪ МУЗЕЕВЪ БАРОНА ШТИГЛИЦА.

II.

Почти всё произведепія, составляющія русскій отдѣлъ на этой выставкѣ, носятъ особый отпечатокъ. У каждаго художника, здѣсь фигурирующаго, независимо отъ того, пишетъ ли онъ масляными красками или акварелью, жанристъ ли онъ или пейзажистъ, у каждаго изъ нихъ есть стремленіе не фотографично копировать натуру, а воспроизвести какой-нибудь интересный мотивъ ея и въ передачу его внести что-нибудь особенное. Въ первомъ они дѣйствительно достигаютъ многого, во второмъ же иногда доходятъ до смѣшного. Возьмите, напримѣръ, акварели и пастель Александра Бенуа и пано Врубеля. Съ какимъ тонкимъ чутьемъ художника первый изъ нихъ выявляетъ эпоху Людовика XIV, сумѣлъ придать теперешнему Версалу тотъ отблескъ, который сразу переноситъ зрителя въ давно прошедшія времена! Онъ воспроизвелъ все то, что чувствуетъ каждый посетитель Версаля, но что до сихъ поръ очень мало кто изъ художниковъ могъ передать. Вотъ «видъ на дворецъ» при закатѣ солнца, съ одинокими фигурами, стоящими по эту сторону огромнаго бассейна, вотъ позднія осеннія сумерки въ чащѣ сада, съ слабо бѣлѣющими статуями и съ груной людей, медленно несущихъ кресло по едва замѣтной алеѣ и т. п. Сколько здѣсь красиваго и симпатичнаго! Въ теченіе небольшого промежутка времени этотъ художникъ сдѣлалъ большой шагъ впередъ и, оставивъ въ сторонѣ ту манерность, которая и сейчасъ еще видна въ его «Замкѣ», сталъ на хорошую дорогу и даетъ вполне художественныя вещи, совершенно не требующія спеціальнаго толкованія, какъ это, напримѣръ, нужно для М. Врубеля. Помимо двухъ скульптурныхъ произведеній, говорящихъ о томъ, что художникъ воленъ дѣлать, что хочетъ, г. Врубель выставилъ еще декоративное пано «Утро». Это огромный холстъ въ нѣсколько квадратныхъ саженъ, который, съ какой бы точки его ни смотрѣли, все кажется одинаково туманнымъ и непонятнымъ. Вверху картины какъ будто есть намекъ на какія-то чело-вѣческія фигуры, но это такой неясный намекъ, что въ немъ можно увидѣть что угодно. Оставивъ въ сторонѣ даже какую-нибудь форму, которая даетъ представленіе о предметахъ, эта вещь не имѣетъ ничего общаго съ утромъ и по краскамъ. Художникъ точно никогда и не видалъ ранняго утра и вмѣсто поразительно нѣжныхъ переливовъ тоновъ далъ какую-то молочно-синеваую краску. Художники вообще удѣляютъ много похвалъ таланту г. Врубеля и начали это съ его первыхъ же шаговъ, чуть ли не со времени иллюстрированія «Демона», въ чемъ онъ, правда, проявилъ много фантазій и пошелъ какъ бы новымъ путемъ. Но съ тѣхъ поръ много о немъ говорятъ, но его мало видятъ. Что г. Врубель художникъ талантливый—это очевидно: онъ имѣетъ свое «я», оригиналенъ въ замыслахъ, но въ технической передачѣ ихъ требуетъ прежде всего всевозможныхъ уступокъ. Иллюстраціи «Демона» были оригинальны по трактовкѣ, по фантастичности, но въ смыслѣ формы—пять рукъ вонъ плохи: его Тамара, какъ и Демонъ, не образцы восточной красоты, а уроды съ сломанными руками и ногами и расплюсченными лицами. Неужто недостаточно имѣть художнику талантъ для того, чтобы не признавать рисунка, обезображивать форму? Этакъ не трудно дойти и до Бога вѣсть чего! М. Нестеровъ выставилъ большую картину «Чудо» и нѣсколько рисунковъ. Эта картина, какъ и всѣ прочія произведенія этого художника, появившіяся за послѣднія годы, написана довольно условно, поддѣлываясь подъ какой-то иконный стиль. Пейзажъ, во всякомъ случаѣ, хорошъ и, пожалуй, выигралъ бы, если бы не было фигуръ. Очень недурны пастели Л. Бакста «Редортеры», что-то записывающіе стоя, и женская голова «Въ сумеркахъ». Въ его рисункахъ углемъ много движенія; хороша фигура рабочаго, тягущаго веревку. И. Левитанъ далъ шесть большихъ и малыхъ вещей, изъ которыхъ лучшая—эскизъ къ картинѣ «Надъ вѣчнымъ цокоемъ», гораздо болѣе интересный, чѣмъ бывшая года два тому назадъ картина.

Нѣсколько акварельныхъ и пастельныхъ этюдовъ К. Сомова не представляютъ пока ничего новаго—это все то же, что уже вы-

ставлялось нѣсколько разъ этимъ художникомъ: все тѣ же зеленые луга, все тѣ же радуги.

Довольно большая картина г. Рябушкина «Улица въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ», изображающая сценки и типы на улицѣ старой Москвы, покрытой непролазной грязью, не лишена интереса, но въ то же время производитъ немного странное, «парадное» впечатленіе. Эта баба въ красномъ праздничномъ костюмѣ, спокойно шагающая въ грязи по-колѣна, и всѣ прочія группы, напоминаютъ оперную обстановку. Движенія нѣкоторыхъ фигуръ, впрочемъ, очень правдивы. Не дурны этюды М. Якуничковой, «Сквозь вѣтки тамариса» Л. Цюнглинскаго, хороша пастель В. Соколова «Надѣчь» и «Свѣтлый день» акварель І. Браза. Произведенія Ф. Боткина, какъ вѣрно сказано въ каталогѣ, «могутъ служить проектомъ для вышивокъ шерстью». Какъ опыты декоративнаго мотива они едва ли интересны: слишкомъ неприятенъ для глазъ отсыгшилой желтый тонъ, съ такими же некрасивыми силуэтами. Что касается иллюстраціи къ сказкѣ «О царѣ Салтанѣ» или къ «Руслану и Людмилѣ» С. Малютина, то въ нихъ много хорошихъ мотивовъ, фигуры связаны съ довольно дикимъ пейзажемъ, но это все передаво подчасъ такъ эскизно, что трудно отличить, гдѣ человекъ, гдѣ дерево.

И. Нравченко.